

УДК 124+128(=161.1)

О. А. Смирнова

Проблема смысла жизни и ее трактовка представителями русской философско-религиозной мысли на рубеже XIX-XX столетий

Статья посвящена характеристике взглядов русских религиозных философов на проблему смысла жизни. Источниковой базой предпринятого обзора послужили работы В.В. Розанова, А.И. Введенского, Е.Н. Трубецкого, С. Л. Франка, написанные в конце XIX – начале XX в. Подчеркивается, что, по мнению религиозных философов, поиск смысла жизни человеком неизбежно ставит вопрос о вере, религиозном способе понимания реальности. Они доказывали, что только религиозное мироощущение позволяет преодолеть ощущение бессмысленности жизни и предельно полно раскрыть человеку смысл его существования.

Ключевые слова: смысл жизни, русская философско-религиозная мысль, рубеж XIX-XX столетий, экзистенциальный вакуум, онтологические основы существования.

Проблема смысла жизни человека является одной из центральных в философии XX в. Уже на рубеже XIX-XX столетий наиболее чутким и нравственно неравнодушным людям было очевидно, что все усилия человечества по освоению внешнего мира бессмысленны, если они оторваны от понимания истинного смысла бытия. Виктор Франкл (1905-1997) – один из известных психиатров XX в. – отмечал, что основным источником психических расстройств у человека современного цивилизованного общества является отсутствие смысла в жизни. В начале 1960-х гг., он писал: «Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности..., сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты». Такое состояние он характеризовал как «экзистенциальный вакуум» [9, с. 24].

Попытки преодоления экзистенциальной пустоты, установления смысла жизни осуществлялись на базе различных философских концепций как в России, так и за рубежом. Наше внимание привлекло самобытное понимание проблемы, предложенное на рубеже XIX–XX вв. представителями философско-религиозного направления российской общественной мысли.

Задолго до западноевропейских экзистенциалистов русские религиозные философы – Вл. Соловьев, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин, А. И. Введенский, В. В. Розанов, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк и др. – поставили вопрос о смысле земного существования человека. Так, Е. Н. Трубецкой, по сути дела, на четверть века опередил А. Камю с его тезисом «Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой, или она не стоит этого, – значит ответить на основной вопрос философии», дав в 1918 г. формулировку ключевой для философии XX в. проблемы: «Стоит ли жить, обладает ли жизнь положительной ценностью, притом ценностью всеобщей и безусловной, ценностью обязательной для каждого» [7, с. 21]. Однако понимание этой проблемы русскими религиозными философами существенно отличалось от её трактовки западноевропейскими экзистенциалистами. Отечественные мыслители в годы чрезвычайно тяжелых испытаний, выпавших на долю России, и отразившихся на их личных судьбах, сумели сформировать оптимистический взгляд на проблему смысла жизни человека, который полностью соответствовал понятию «радости», характерного православному мирозерцанию [6, с. 218; 1, с. 60].

Концентрированное выражение представлений русских религиозных философов на проблему смысла существования человека сосредоточено в ряде их работ, составивших основу источникового комплекса предприняемого обзора. Часть из этих трудов на рубеже XIX–XX вв. была опубликована на страницах ведущих общественно-политических журналов («Вопросы философии и психологии», «Русская мысль», «Образование», «Русское богатство»), другие выходили либо отдельными изданиями, либо в сборниках статей. Наше внимание особенно привлекли работы В. В. Розанова («Цель человеческой жизни», 1892), А. И. Введенского («Условие возможности веры в смысл жизни», 1896), Е. Н. Трубецкого («Смысл жизни», 1918) и С. Л. Франка («Смысл жизни», 1926), которые в 1990-х гг. были переизданы в России [1; 6; 7; 8].

Изучение текстов показывает, что методологическим принципом познания мира религиозным философам служил синтез чувственного и религиозно-мистического опыта освоения действительности, на основе которого они пытались достичь наивысшей полноты, «окончательной завершенности» мирозерцания и раскрыть «сокровеннейший смысл» как вселенского существования, так и жизни отдельного человека. Они подчеркивали, что жизнь человека не следует воспринимать в виде краткого, ни с чем не

связанного отрезка времени. Чтобы быть понятой, ограниченная жизнь одного человека (и «ее чаемый смысл») должна осознаваться в неразрывной связи с мировой, вселенской жизнью, как вневременное и всеобъемлющее целое [4, с. 485; 8, с. 29-30].

Исходной посылкой анализа проблемы смысла жизни практически у всех мыслителей являлась констатация факта онтологической трагичности и бессмысленности земного существования человека, которое уподоблялось кружению в беличьем колесе. «Дурная бесконечность», «безысходность магического круга» распознается ими в повседневной жизни земледельца, фабричного рабочего, чиновника, да и любого человека, подчинённого кругодвижению того или иного социального механизма [7, с. 51]. Фактически это те самые картины ада, рисуемые различными религиозными традициями и обозначаемые единым понятием – «сизифов труд», как максимальное воплощение абсолютной бессмысленности.

Однако наиболее оскорбительным для человеческого достоинства им представлялась не столько бессмысленность отдельных занятий человека, сколько то, во имя чего они совершаются. Казалось парадоксальным, что весь механизм «человеческого делания» работает во имя добывания средств к жизни, для поддержания биологического круга, который с роковой необходимостью замыкается смертью. «Всякая жизнь, – писал Трубецкой, – стремится подняться над землёю и неизбежно вновь на неё ниспадает, смешиваясь с прахом; а крылья, на которых она взлетает, оказываются лишь призрачной и исчезающей поэтической прикрасою» [7, с. 48]. Именно неизбежная подчиненность этому биологическому кругу заставляет задуматься, неужели жизнь есть просто «никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого органического существа» и все мечты о добре и правде, о духовной значительности и осмысленности жизни «просто огоньки слепой страсти, вспыхивающие в живом существе по естественным законам природы» [8, с. 7]. Если это действительно так, то, по мнению религиозных философов, следует говорить не просто об отсутствии жизненного смысла, ничтожности всех нравственных идеалов, но и об «отвратительном издевательстве» природы над человеческой жизнью в целом.

Однако в самой способности людей, в отличие от всех организмов, подчиненных биологическому кругу, сознавать бессмысленность собственного существования, испытывать от этого унижение и

тоску и создавать образы должного бытия, не являющихся прямым следствием эмпирической данности (в мире все блага относительны, мы ищем абсолютного блага; в мире всё временно, мы ищем вечной жизни), религиозным мыслителям виделась принадлежность человека к началам, противоположным земной бессмысленности, его причастность к духовному миру «абсолютного бытия». Трубецкой писал: «Как человеческое ухо не слышит фальши, если оно не чувствует гармонии, так и мысль наша не могла бы сознавать бессмыслицу, если бы она не была озарена каким-то смыслом» [7, с. 62]. Душевные страдания, томление, неудовлетворенность от несоответствия «чаемого идеала» с действительностью, являлись, по мнению философов, доказательством того, что человек по своей природе не может считаться исключительной принадлежностью биологического мира, а следовательно, и предметно-чувственная реальность для него не та сфера, в рамках которой он должен искать смысл существования и вообще иметь надежду обрести его [8, с. 68].

Подтверждение своему умозаключению они находили непосредственно в наблюдаемой действительности, в потрясении всех основ общественной жизни, вызванных Первой мировой войной и Русской революцией. Все трагические события первой четверти XX в. религиозным философам представлялись ничем иным, как следствием ложно понятого человечеством смысла своего существования, базировавшегося на идее возможности обретения счастья на земле («Мир идёт к счастью, к успеху, к совершенству» – воодушевлённо восклицает один из героев романа И. А. Гончарова «Обрыв») [2, с. 25]. Этот процесс особенно рельефно проявился в условиях экономической цивилизации Нового времени с её верой в непрерывный материальный прогресс и возможность обустройства человека в мире в соответствии с его желаниями и потребностями. Однако по мере «втягивания» человечества в формы этой идеи, возрастающего очарования ею в мире наблюдалось невероятное увеличение страданий как отдельного человека, так и целых народов, причём в новых и всё более неожиданных формах. Франк писал: «Не видим ли мы, что культурная, просвещённая, озарённая научным разумом и очищенная гуманитарными нравственными идеями Европа дошла до бесчеловечной и бессмысленной мировой войны и стоит на пороге анархии, одичания и нового варварства» [8, с. 56]. Мыслители считали, что всё это следствия головокружения от идеи счастья, словно через неё наказывался какой-то неискупаемый грех,

чтобы, стремясь к материально выраженным формам благополучия, человечество «испытало добровольно все страдания, какие не смогла бы наложить на него никакая посторонняя сила и никакие внешние условия» [6, с. 190].

Всякий раз после постигшего человека разочарования, будь то личная или общественная жизнь, он вновь вступает на путь борьбы за претворение своего идеала счастливого бытия, считая, что случившаяся неудача – случайность, обусловленная определенными причинами, которые вполне объяснимы и устранимы. Однако, как отмечали философы, человек в своей погоне за счастьем, «ища вечно что-то вокруг себя», упускает из вида главное. Он не замечает сегодняшнего дня, который в силу своего несовершенства не берётся в расчёт, его будничная серость воспринимается как «недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни». Человек ориентируется на завтра, на будущее, в котором для него обязательно всё изменится и «откроётся истинная, разумная и счастливая жизнь» под воздействием неожиданных, неких внешних перемен судьбы [8, с. 13-14]. Истинную осмысленность его жизни должны придать либо изменившиеся к лучшему личные обстоятельства, либо появившиеся более здоровые и нормальные общие условия существования, либо открывшиеся возможности для занятия разумным и прекрасным делом и т.д. Вступая на путь борьбы за осязаемое счастье, человек часто не задумывается, что наступление этого решающего светлого дня может оттянуться на долгие годы (что, как правило, и случается), а то и вовсе отодвинуться в неуловимую даль. Может ли человек позволить себе проводить жизнь в неопределенно долгом ожидании и может ли такая жизнь считаться осмысленной? Согласно наблюдениям религиозных мыслителей, многие из последователей такого «ожидательного» жизненного образца «либо тупеют и духовно замирают в будничных заботах о куске хлеба, либо кончают жизнь самоубийством, либо... нравственно умирают, от отчаяния становясь прожигателями жизни, идя на преступления и нравственное разложение ради самозабвения в буйных наслаждениях», пошлость которых самоочевидна [8, с. 15-16].

Мыслители выражали надежду, что картины не сложившихся личных судеб и очевидность онтологической трагичности и бессмысленности земного существования заставят человека когда-нибудь понять, что осмысленность его бытию придаёт не обилие внешних событий и ощущений, не полнота наслаждений и сытость –

вся эта по своей природе ничтожная и суетная круговерть. Если сам человек не знает, для чего он живет, никакое дело не сможет осмыслить его существование. Однако, когда смысл жизни обретен, им наполняются любые дела, осмысливается вся жизнь, всё её содержание, по аналогии с тем, как во «тьме нельзя отыскать свет, ... свет противоположен тьме; но свет освещает тьму» [8, с. 117].

Религиозные философы считали, что, если смысл жизни существует, он присутствует в каждом мгновении жизни, для каждого поколения людей, для каждого человека. Он не приурочен ни к какому событию, ограниченному пространственно-временными границами, а открывается во всём, причём даже в суете, страданиях, немощах, неудачах и, более того, в самой смерти [7, с. 80; 8, с. 29]. Представляя собой вечное, ничем не обусловленное начало, он носит не индивидуальный, а абсолютно-безусловный характер, так же как и значение любого слова, которое не подвластно субъективной точке зрения [7, с. 19]. Например, такие фундаментальные философско-этические категории, как «совесть», «правда», «истина» в каждую из эпох отдельными людьми трактовались по-разному, но от этого они никогда не утрачивали своей объективной смысловой наполненности, неся в себе «безусловную мысль о должном» [7, с. 65]. Характерно замечание Франка: «В акте нашего познания не мы сами что-то делаем, и не из нас самих, как ограниченных и отдельных существ оно рождается: мы только узнаём истину, нас озаряет свет знания, очевидность того, что истинно есть, независимо от того, познаём ли мы его или нет, раскрывается ли оно нашему сознанию или нет. <...> Этот свет истины, единый для всех, ибо истина одна для всех, вечный, ибо истина сама не меняется с сегодняшнего дня на завтрашний, а имеет силу раз и навсегда данную» (8, с. 67). Та же закономерность философами устанавливалась и в отношении понятия «смысл жизни». Они подчеркивали, что можно всячески отказываться, отворачиваться от необходимости постижения объективной сущности смысла жизни, строя своё существование на основе личных представлений о нём, однако от этого объективное содержание смысла жизни никуда не исчезает и не изменяется.

Таким образом, смысл жизни религиозным философам представлялся вечно существующей данностью, готовой принять человека в своё лоно, и через приобщение к которой он получает надежду обрести единую, неизменную, абсолютно-прочную основу жизни, достичь осмысленности существования и вступить в бытие,

бытийствовать, а не «скользить у его порога». Однако только от выбора самого человека зависит, или пойти навстречу этой объективной сущности или бежать от неё «на ту умалённую периферию, в ту «тьму кромешную», в которой всё течёт и ничто не прочно» (8, с.85). Единственной возможностью приобщения к этому всеобщему началу, а, следовательно, и постижения «истинного вечного существа жизни», философы называли путь максимального напряжения духовных исканий, обуславливавшегося метафизической природой постигаемого.

Это «всеобщее духовное начало» философами понималось не в виде внешнего, стороннего человеку образования (словно солнце по отношению ко всему живому), а как данность, внутренне ему присущая и проявляющаяся в совести, чувстве справедливости, жажде смысла. Наличие у человека сознания указывало им на непосредственную его причастность к сверхэмпирическому началу вечного бытия, делающей его вестником чего-то должного, иномирного, как если можно было бы представить солнечный свет, проникший в живое и продолжающий освещать всё вокруг из своего нового вместилища, сливаясь с первоначальным источником излучения [7, с.94]. Посредством этой аллюзии философы показывали, что человеку, являющемуся вместилищем сознания как отблеска надмирного абсолютного начала, в своём стремлении постичь смысл существования важно правильно уловить направление «светового потока» и двигаться в соответствии с ним: «Не иди во вне, – говорил бл. Августин, – иди во внутрь самого себя; и когда ты внутри обретишь себя ограниченным, перешагни через самого себя!» По этому поводу Франк писал: «Стоит только отучиться от привычки считать единственной реальностью то, что окружает нас из вне, что мы видим и осязаем, – и что нас толкает, мучает и кружит в неясном вихре, – и обратить внимание на великую реальность нашего собственного бытия, нашего внутреннего мира, чтобы удостовериться, что в мире всё же не всё бессмысленно и слепо, что в нём, в лице нашего собственного томления и искания и в лице того света, который мы ищем и, значит, смутно видим, действуют силы и начала иного порядка именно те, которых мы ищем. <...> Эта реальность с нами и в нас, каждый вздох нашей тоски, каждый порыв нашего глубочайшего существа есть её действие и, значит, свидетельство о ней, и надо только научиться, как говорил Платон, «повернуть глаза души», чтобы увидеть то, что мы «живём, движемся и есмы» [8, с.77].

Обосновывая не иллюзорность абсолютной духовной реальности, как сосредоточие смысложизненных ориентиров, философы подчеркивали, что, согласно законам духовного бытия, всякое искание в этой области (постановка вопросов о добре, истине, смысле) уже есть обнаружение искомого и частичное обладание им. Поэтому самым вопросом о смысле и духовным протестом царящей эмпирической бессмысленности человек провозглашает реальное существование абсолютного смысла жизни и необходимость его постижения. В Евангелии сказано: «ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам», так как всякий толчок в закрытую дверь есть её раскрывание. Этими аргументами у религиозных философов исчерпываются доказательства реальности абсолютного духовного начала всего сущего, так как, по мысли Франка, этого дальше и нельзя никак разъяснить и доказать производным образом. Он подчеркивает, что если для эмпирического сознания эта система аргументации всегда парадокс или голословное утверждение, то для сердечного знания это «самоочевидная истина, не требующая никакого доказательства и не допускающая его именно по своей очевидности», поскольку «блаженны не видевшие и уверовавшие» [8, с.74, 87, 93]. При этом отмечалось, что данная установка не является призывом к слепой вере, а лишь обозначает стремление обратить человека к «духовному видению, к готовности усмотреть и признать высшую очевидность, вопреки свидетельству низшей очевидности», которая имеет преимущества в воздействии на чувственно сориентированную природу людей и всякий раз заглушает их порывы к постижению духовного.

Важность глубоких духовных исканий на пути обретения смысла жизни, по мнению философов, неизбежно ставит вопрос о вере, религиозном способе понимания реальности, как особом высшем акте познания. Они считали, что только религиозное мироощущение позволяет преодолеть ощущение бессмысленности жизни и предельно полно раскрыть человеку смысл его существования. Во-первых, оно базируется на вере в Бога как воплощении вечной жизни, и, во-вторых, на признании непосредственной причастности к Богу самого человека, через которую для него открывается возможность личного бессмертия. Мыслители подчеркивали, что без веры в бессмертие невозможно ставить и решать проблему смысла жизни. Веру в личное бессмертие они называли необходимым условием логической и нравственной позволительности веры в смысл жизни [1, с. 53]. Только в этом случае жизнь отдельного человека

предстает встроенной в перспективу вечности вселенского бытия, а не кратким фрагментом земного существования.

По мнению религиозных философов, этот вопрос находит наиболее полное решение в христианском вероучении. Они писали, что в христианстве, в противоположность натуралистическим религиям с их периодически умирающими и воскресающими богами, вскрыт глубочайший внутренний закон человеческой жизни, в силу которого существо жизни состоит в возрождении через умирание и жертву – пшеничное зерно, «павши в землю, не оживёт, если не умрёт» [8, с.98]. Крестными муками Христа упразднился порочный круг рождений и смертей, а жизнь предстала в виде вечного бытия. Отмечалось, что смерть, царящая в этом мире, возможна лишь как следствие отчуждения мира от Бога, поскольку умирает лишь то, что ищет отдельной от него жизни. Однако «тварь, вернувшаяся к источнику жизни», то есть обратившаяся к Богу и почувствовавшая единение с Ним, оживает через преодоление ограниченности эмпирического существования и обретение истинного смысла жизни (как уже высохший стебель цветка, находящийся в храме у святой иконы, чудесным образом оживает, рождая молодую листву) [7, с. 85, 87].

Философы подчеркивали, что только религия, прививая «чутье и вкус к символическому смыслу», даёт возможность понять жизнь не как «игрالیще слепых сил», а как полную глубокого значения целостность, каждое событие которой является необходимым звеном на пути постижения человеком смысла бытия. Они обращали внимание на то, что в подавляющей части религиозных вероучений, и в первую очередь христианском, человеческие страдания и бедствия понимаются необходимыми условиями духовного пробуждения (невозможно достичь блаженства – осмысленности – «мимо креста»). В то время как «комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей, смертной красоты» усыпляют духовные силы, тяжкие испытания, обостряя ощущение скоротечности и хрупкости земного бытия, разрушают иллюзию возможности обретения смысла существования на основе исключительной ориентации на ценности предметно-чувственного мира, а поэтому для человека являются не злом, а благом [7, с.102; 8, с.118].

Религиозные философы подчеркивали, что автоматическое преобладание разума и положительного начала в эмпирической жизни никогда бы не позволило человеку подняться на те духов-

ные высоты, на которые он способен взойти в результате осуществления сознательного выбора между добром и злом, заявляя тем самым о существующем смысле и о себе как его носителе. Этот выбор человек осуществляет ежедневно, поскольку борьба за смысл против бессмыслицы состоит не в праздном размышлении, а в постоянном духовном подвиге служения высшей Истине, понижающим всю повседневную деятельность, каждый поступок и помыслы. Характерно замечание Франка: «Кто живёт в сегодняшнем дне – не отдаваясь ему, а подчиняя его себе – тот живёт в вечности. Своё нравственно-психологическое выражение такая правильная установка находит в смирении, в сознании ограниченности сил, и вместе с тем в душевной тишине и прочности, с какою совершаются эти дела сегодняшнего дня, это соучастие в конкретной жизни мира; тогда как идолопоклонническое служение миру, с одной стороны, всегда проявляется в гордыне и восторженности и, с другой стороны, связано чувством беспокойства, неуверенности и суевы» [8, с. 131].

Подводя итоги, можно резюмировать, что согласно воззрениям русских религиозных философов обретение смысла жизни зависит от степени утверждённости человека в вечном, его способности освятить единым духовным замыслом все свои повседневные дела, труд, интересы и увлечения. Они считали, что смысл жизни нельзя найти в готовом, раз навсегда данном виде: он не дан – он задан той единой духовной реальностью, которая является «истинной родиной» человека и через приобщение к которой только и существует надежда обрести смысл существования, сделать жизнь осмысленной.

Литература

1. Введенский, А. И. Условие позволительности веры в смысл жизни / А. И. Введенский // Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX в. / отв. ред. А. Ф. Замалеев. – СПб.: Наука, 1995. – С. 40-74.
2. Гончаров, И. А. Обрыв / И. А. Гончаров // Собр. соч. в VI т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. V. – 301 с.
3. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. зеньковский. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. – Т. 1. – 542 с.
4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М.: Сварог и К, 2000. – 489 с.
5. Полторацкий, Н.П. Русская религиозная философия / Н. П. Полторацкий // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 133-134.

6. Розанов, В. В. Цель человеческой жизни / В. В. Розанов // Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX в. / отв. ред. А. Ф. Замалеев. – СПб.: Наука, 1995. – С. 165-219.

7. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой // Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». – Ростов-н/Д: Феникс, 1998. – С. 17-337.

8. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1992. – 132 с.

9. Франкл, В. Человек перед вопросом о смысле / В. Франкл // Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – С. 24-43.

O. Smirnova

The Problem of the Meaning of Life and its Interpretation by the Representatives of Russian Philosophical and Religious Thought at the Turn of XIX-XX Centuries

The article studies the interpretation of the meaning of life in the works of Russian religious philosophers. The analysis is based upon the works by V. V. Rozanov, A. I. Vvedensky, E. N. Trubetskoy, S. L. Frank, written in the late XIX – early XX century. It is emphasized that in the opinion of religious philosophers, the search for the meaning of human life inevitably raises the question of faith, the religious way of understanding reality. They argued that only religious view can overcome the sense of meaninglessness of life and fully reveal the meaning of human existence.

Key words: the meaning of life, Russian philosophical and religious thought, the turn of the XIX-XX centuries, existential vacuum, ontological foundations of existence

References

1. Vvedensky, A. I. Uslovie pozvolitelnosti very v smysl zhizni [The Condition of Permissibility of Faith in the meaning of life] / A. I. Vvedensky // Smysl zhizni v russkoi filosofii. Konets XIX – nachalo XX v. [The Meaning of life in Russian philosophy. Late XIX-early XX century] / resp. ed. by A. F. Zamaleev. SPb.: Nauka [Science], 1995. pp. 40-74.

2. Goncharov, I. A. Obryv [The Precipice] / A. I. Goncharov // Coll. Op. In VI Vol.M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury [State publishing house of fiction]. 1959. Vol. V. 301 p.

3. Zenkovsky, V. V. Istoriia russkoi filosofii [The History of Russian philosophy] / V. V. Zenkovsky. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. Vol.1. 542 p.

4. Lossky, N. O. Istoriia russkoi filosofii [History of Russian philosophy] / N. O. Lossky. Moscow: Svarog I K, 2000. 489 p.

5. Poltoratsky, N. P. Russkaia religioznaia filosofia [Russian religious philosophy] / N. P. Poltoratsky // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 1992. No. 2. Pp. 133-134.

6. Rozanov, V. V. Tsel chelovecheskoi zhizni [The Purpose of human life] / V. V. Rozanov // Smysl zhizni v russkoi filosofii. Konets XIX – nachalo XX v. [The Meaning of life in Russian philosophy. Late XIX-early XX century] / resp. ed. by A. F. Zamaleev. SPb.: Nauka [Science], 1995. pp. 165-219.

7. Trubetskoy, E. N. Smysl zhizni [Meaning of life] / E. N. Trubetskoy / / Izbrannyye proizvedeniia. Seriiia «Vydaiushchiesia mysliteli» [Selected works. Series «Outstanding thinkers»]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. pp. 17-337.

8. Frank, S. L. Smysl zhizni [The Meaning of life] / S. L. Frank. Brussels: publishing house «Zhizn s Bogom» [«Life with God»], 1992. 132 p

9. Frankl, V. Chelovek pered voprosom o smysle [Man and the question of meaning] / V. Frankl // Frankl, V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]: a Collection. trans. from English. and it. / Ed. L. Y. Gozman and D. A. Leontev. Moscow: Progress, 1990. p. 24-43.